

Зимой в этом городе небо чаще всего затянуто плотным слоем облаков, скрывающих луну. Серый, тусклый свет с трудом проникает в дома, окрашивая всё в пепельные тона.

Старая лампа в спальне тоже светила неярко, но в глазах Сун Цзячжу мерцала россыпь звёзд.

Юноша, который в холодной зимней ночи, в скромном жилище, так бережно и искренне преподносил свой дар, походил на дешёвый, но безупречно чистый стеклянный шарик. Хотя в глазах Лин Чжи он был равен драгоценному кристаллу.

— Что ж, тогда я примерю.

Взгляд Сун Цзячжу не оставлял возможности для отказа, да и Лин Чжи не собирался отказываться. Юноша посмотрел на длинное платье в своих руках и положил его на кровать.

Прежде чем Сун Цзячжу успел отвернуться, Лин Чжи повернулся сам.

Скинув верхнюю одежду, он взялся за нижний край свитера и плавно потянул его вверх. Молочно-белая ткань поползла вверх, и свет очертил тонкую линию талии, ослепительно белую.

Сун Цзячжу смотрел на него, забыв отвести взгляд.

Он вспомнил ту картину, что видел через экран телефона. Тогда из-за одежды и большого расстояния он не смог ничего толком разглядеть — в памяти остались лишь белые кружева, облегающие грудь Лин Чжи, и низкий подол платья, то скрывающий, то открывающий тело.

Хост был худощав, но это не была нездоровая худоба. Мышцы равномерно распределялись по корпусу, а лёгкая округлость в нужных местах лишь подчёркивала узость его талии.

Сун Цзячжу сжал пальцы, его взгляд потемнел.

Винтажное утеплённое платье тёплого оттенка создавало ощущение, похожее на то, что испытываешь, пробуя горячие карамелизированные каштаны зимним днём — ощущение плотной, уютной мягкости.

Лин Чжи переоделся и повернулся к партнёру.

— Ну как, красиво?

Он смотрел на Сун Цзячжу, и в его позе не было неуверенности подростка, а скорее лукавство зрелой души, знающей ответ наперёд. Черты его лица, ещё не до конца утратившие юношескую мягкость, были по-настоящему изящны.

Сун Цзячжу видел его в женской одежде не впервые, но сейчас всё казалось иначе. Дело было не только в том, что платье купил он. Сам Лин Чжи сегодня ощущался по-другому.

Благодаря высокому росту платье сидело на нём идеально. Юноша был без парика, но образ всё равно выглядел на удивление гармонично.

Это было тихое, томное очарование, подобное розе, безмолвно распускающейся в ночи. Оно манило, дразнило, в нём сквозила осознанная красота — та чувственность, от которой на кончике языка появляется сладость и невольно задерживаешь дыхание.

Сун Цзячжу сначала энергично закивал, но, видимо, решив, что этого недостаточно, жестами выразил свой восторг ещё раз. Всё это время он не сводил с Лин Чжи восхищённого взгляда.

«На самом деле, я так хочу это сказать...»

Глаза юноши потемнели. Но он не мог издать ни звука, а издавать те невнятные, выдавленные с огромным усилием хрипы, разрушая атмосферу момента и своё впечатление в глазах Лин Чжи, он не хотел.

— Спасибо за подарок, мне очень нравится. В ответ я тоже решил тебе кое-что подарить.

Кроме открытки и конфет, Лин Чжи не готовил других рождественских подарков, но он знал, что станет для Сун Цзячжу лучшим даром.

Собеседник был немного выше, поэтому Лин Чжи пришлось приподнять голову и даже слегка привстать на цыпочки.

Плотные облака за окном немного рассеялись, истончились. Лунный свет, пробиваясь сквозь их тонкую пелену, очертил два силуэта.

На деревянном полу тени вытянулись. Одна фигура слегка наклонила голову, другая, привстав на цыпочки, потянулась к ней.

Чистое чувство юношей, подобное туманному сиянию новолуния.

Лин Чжи не стал углублять поцелуй. Его губы коснулись губ Сун Цзячжу — мягкое, невесомое касание. Он дразняще, едва ощутимо потёрся о них, провоцируя на ответ.

Он слегка улыбнулся и, когда Сун Цзячжу начал целовать его более настойчиво, не стал сопротивляться.

Долгий, ищущий поцелуй закончился. Подростки смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Это была атмосфера такой близости, которую трудно описать — вязкая и в то же время лёгкая, словно в воздухе парили бесчисленные семена одуванчиков.

«Мне очень понравился твой ответный подарок»

«Можно ещё раз?»

Сун Цзячжу смотрел на Лин Чжи, сжимая его руку. Тень, некогда тусклая под лучами солнца, казалось, ожила и стала невероятно яркой.

Этот поцелуй исцелил его чувствительность и неуверенность. Он дал ему знание, что теперь он что-то держит в своих руках, и от этого он стал спокойнее, даже раскованнее.

Сун Цзячжу всегда был тихим, но его молчание не было признаком безобидности. В нём жила гордость, не позволяющая быть в тени. То, что он смог в одиночку пройти через жизненные трудности, доказывало, что он не имеет ничего общего со слабостью.

Увидев его безмолвную просьбу, Лин Чжи моргнул. Не успел он кивнуть, как Сун Цзячжу слегка приподнял его подбородок. Его рука легла на поясницу, притягивая к себе.

Этот жест, полный собственнических ноток, был слишком хорошо знаком Хосту. Он не стал противиться порыву юноши и не стал умело направлять его. Хотя на мгновение в его голове промелькнул образ Мин Яо, он не воспринимал осколки его личности как одного и того же человека. По сути они были похожи, но всё же отличались.

Лин Чжи позволил этому неопытному исследованию продолжаться. В нём была терпкая кислинка первого, едва созревшего плода, тающая на губах.

Поцелуй в рождественскую ночь стал финальным аккордом, застывшим кадром, завершившим спектакль уходящего дня.

Когда облака снова скрыли лунный свет, губы Лин Чжи уже припухли и приобрели насыщенный алый оттенок.

Сун Цзячжу изо всех сил старался успокоить сбившееся дыхание и скрыть неловкую реакцию своего тела, чтобы не показаться невежливым.

«Можно я провожу тебя домой?»

Его глаза слегка заблестели, когда он задавал этот вопрос жестами. Он не хотел, чтобы Лин Чжи остался — это было бы слишком неофициально. Юноша не желал, чтобы его неправильно поняли, сочли легкомысленным и отнеслись к его чувствам так же.

Лин Чжи на мгновение замер, затем кивнул. Он чувствовал возбуждение партнёра, но также понимал, что тот не намерен переходить границы.

Его подарок не содержал того скрытого подтекста, который бывает у взрослых. Он просто хотел одарить того, кого любил, чем-то прекрасным, а не делал это с целью последующего раздевания.

Для юноши любовь была чиста, без примеси низменного желания.

Лин Чжи не стал переодеваться. Он положил свою одежду в коробку из-под платья и накинул сверху пуховик.

Сун Цзячжу выкатил свой велосипед. Протерев заднее сиденье салфеткой, он подождал, пока Лин Чжи усядется.

Хост, одетый в дорогое платье с несрезанным ценником, накинул капюшон куртки и обнял его за талию, слушая шорох шин по асфальту. Такой любви он ещё не испытывал — чтобы после поцелуя с подростком тот бережно провожал его до самого дома.

Некоторые магазинчики по обе стороны дороги ещё не закрылись. Тёплый свет освещал стеклянные двери и наклеенные на них фигурки Санта-Клаусов. На миниатюрных ёлочках мигали гирлянды.

Лин Чжи почувствовал, как прохладный ветерок коснулся его голеней. Он поднял голову и в свете уличных фонарей увидел бесчисленные парящие снежинки.

— Сун Цзячжу, пошёл снег.

Юноша вместо ответа взял руку Лин Чжи, которой тот обнимал его, и засунул под свою куртку, чтобы согреть.

Дорога была не слишком длинной. Ветер развеивал подол платья, выглядывавший из-под куртки. Лин Чжи прижался к спине Сун Цзячжу, прячась от встречного холода и чувствуя тепло его тела.

У самого дома они остановились. Сун Цзячжу не собирался подниматься. Он просто стоял и смотрел на него — этого было достаточно.

Лин Чжи помахал ему рукой, в которой держал пакет.

Сун Цзячжу помахал в ответ и дождался, пока юноша скроется за дверью. Лишь когда в окнах квартиры зажёгся свет, он развернулся и поехал обратно.

Лин Чжи стоял на балконе и смотрел, как его силуэт исчезает вдали. Снежная ночь не была тихой: слышались голоса прохожих, шум редких машин. Но он заметил всё это, лишь когда Сун Цзячжу скрылся из виду.

Тихо усмехнувшись, Лин Чжи вошёл в комнату.

01, словно боясь что-то нарушить, заговорил лишь спустя некоторое время.

[Хост, можно ли считать, что миссия почти выполнена?]

[Но ведь объект ещё не заговорил.]

Электронный самоед был в замешательстве. Судя по прогрессу и реакции цели, можно было с уверенностью сказать, что миссия удалась. Состояние Сун Цзячжу было прекрасным, он выглядел так, будто обрёл надежду. Но почему же он до сих пор молчал?

— Скоро.

Лин Чжи ответил кратко. Дело было не в том, что Сун Цзячжу всё ещё держал оборону. Хост предполагал, что причина в другом — юноша чувствовал, что ещё не получил его полностью. Это вызывало у него подсознательное беспокойство, но Лин Чжи уже всё подготовил.

Проснувшись на следующее утро, Хост увидел, что за окном действительно всё белым-бело.

Правда, снегопад был небольшим. Снег лишь тонким слоем покрыл землю и быстро превратился в грязную кашу, которую дворники сгребали к обочинам. После Рождества волнение учеников улеглось.

Снег в этом городе был обычным явлением, он выпадал каждый год, просто сильные метели обычно начинались уже после Нового года. Тем не менее, это дало ребятам тему для обсуждений, хоть и недолгую — предстоящие месячные экзамены волновали их гораздо больше.

Классный руководитель постоянно напоминал, что они в выпускном классе. После месячных

тестов будут итоговые, а после них — второй семестр и Гаокао, поворотный момент, который для китайских школьников может изменить всю судьбу.

После этой речи на классном собрании ученики оставались серьёзными на протяжении целого урока. Но тот день ещё не настал, и они пока не ощущали всей реальности напряжения.

Лин Чжи и Сун Цзячжу не волновались — их знаний было более чем достаточно. Конечно, на людях Хост изображал лёгкое беспокойство, но на самом деле он был спокоен. Ему казалось, что он может покинуть этот мир ещё до начала Гаокао.

При этой мысли он посмотрел на сидящего рядом соседа по парте и встретился с ним взглядом. Но думали они о разном.

«В какой университет ты хочешь поступать?» — спросил Сун Цзячжу жестами.

Лин Чжи не дал точного ответа:

— Ещё не решил. А ты?

«У меня есть план. Но я не хочу быть слишком далеко от тебя»

Он всерьёз думал об их общем будущем.

<http://bllate.org/book/15821/1437616>